

3. *Избранные пословицы и поговорки русского народа* / Сост. Н. П. Колпакова, М. Я. Мельц, Г. Г. Шаповалова, – М., 1957.

4. *Пословицы. Поговорки, Загадки* / Сост. А. Н. Мартынова, В. В. Митрофанова. – М., 1986.

5. *Сказки. Пословицы. Загадки* / Сост. В. А. Василенко. – Омск, 1955.

Примечания

¹ *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. Изд. 2-е. – М., 2002. – С. 6.

² Там же. – С. 106.

³ Там же. – С. 413.

⁴ Там же. – С. 105.

Н. Р. Байжанова

МЕТОДИКА СБОРА ПОСЛОВИЦ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ БЫТОВАНИЯ ЖАНРА*

Пословицы и поговорки относятся к тем жанрам фольклора, сбор которых достаточно сложен. Во многих случаях они записываются от носителей традиции без контекста их употребления, что создает дополнительные трудности при их систематизации и последующем анализе. А между тем ряд исследователей [1] отмечает, что паремии нужно записывать в контексте речи. Данная точка зрения основывается на том, что зачастую пословицы и поговорки можно услышать в рассказах о каких-то событиях из жизни рассказчика, в обыденных коммуникативных ситуациях. Но и ориентация при сборе материала на контекст и изучение этого жанра в его естественном бытовании также ограничивает исследователя в систематическом сборе материала. По этой причине нами был разработан и применен принципиально иной способ сбора этих произведений фольклора – сбор паремий путем опроса. Выбор такого способа сбора и системного изучения пословиц интересен и обусловлен тем, что в современной алтайской фольклористике данный способ не применялся. Важно и то, что данный способ, с нашей точки зрения, дает возможность понять социальный контекст употребления пословиц и позволяет проследить сохранность пословичной традиции во временном аспекте.

---

* Статья написана в рамках проекта 21.5.2 программы РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

В своем исследовании мы исходим из того, что говорящий, употребляющий в своей речи пословицу, не является автором этого текста. Он – автор данного речевого акта как действия. Говорящий всего лишь повторно использует ее в своей речи. Р. О. Якобсон по этому поводу отмечает следующее: «<...> в каждом, кто использует пословицы, развивается интуитивное чувство устной традиции, имеющее особую природу, и в своем дискурсе он обращается с этими готовыми формулами как со своей личной собственностью <...>» [3, с. 97–98].

Пословица употребляется каждый раз в новом контексте, при этом ее значение или смысл может изменяться. Пословицы и поговорки – это тексты, построенные на основе ценностно маркированных абстрактных понятий или концептов. Поэтому в содержательном плане в пословице доминирующим звеном выступает концепт и его оценка. И при каждом новом речевом воспроизведении пословицы тот или иной ценностный концепт характеризует определенное явление действительности. Изучение социального контекста употребления паремий позволяет получить ответ на вопросы: применительно к каким явлениям употребляется пословица, какую оценку получает данное явление.

В своей собирательской работе мы руководствуемся методиками анкетирования и опроса. Нами была составлена анкета, куда включены основные понятия (70 единиц), относящиеся к человеку, такие, как *добро* и *зло*, *добрый* и *злой человек*, *зависть*, *завистливый человек*, *жалость*, *жалостливый человек*, *стыд* и *совесть*, *стыдливый* и *бесстыдный человек* и т. д. Во время полевого исследования в селах Улаганского района Республики Алтай опрошено 20 человек, в основном пожилого возраста. Так, к примеру, одним из понятий нашей анкеты являлась жалость (*килеш*, *килегени*). Соответственно, были заданы следующие вопросы: 1. Что такое жалость? Что означает пожалеть кого-то? Как Вы понимаете? 2. Какие Вы знаете пословицы об этом? На наш взгляд ответ на первую группу вопросов дает представление о понятийном мышлении опрошенного, на вторую – его репрезентацию в тексте пословицы.

В докладе, на примере пословиц о жалости и зависти, мы проанализируем данные, полученные в ходе опроса.

Жалость (*килеш*, *килегени*) – это реакция человека на чужое страдание. В основе жалости, сочувствия, милосердия, сострадания лежит частичное отождествление себя с другим человеком, желание разделить его боль, проблемы, помочь ему. В алтайских пословицах о жалости, как о свойстве или черте характера человека, говорится в контексте человеческой безжалостности. Отсутствие жалости в алтайском языковом сознании отождествляется со злом. Безжалостный человек оценивается как плохой человек, не проявляющий чувства жало-

сти, доброты по отношению к другим. В паремиях утверждается, что нельзя жалеть неблагодарного человека. Если жалеть, то нужно жалеть хорошего человека: *Лошкынды јеткер сакыыр, / Јакшыга јон килеер* – ‘Плохого беда ждет, / Хорошего народ пожалеет’.

Если пожалеть плохого человека, который совершает злые поступки, то это то же самое, что сделать зло самому. *Килеңкеј эмеске килезе, / Кинчек эткендий бодоор* (1) – ‘Если жалеть человека, который сам не умеет жалеть, / Можно считать, что сделал зло’; *Килегени – кинчек, / Јазаганы јарамас* (1; 3; 8) – ‘Кого пожалеешь, тот – зло, / Что заранее приготовишь, то не подойдет’. Информант (8) объяснил смысл этой пословицы следующим образом: если помогать плохому, безжалостному человеку, то он может ответить злом.

У теленгитов бытует поговорка: *Боорсозо, боорына тебер* (2) – ‘Пожалеешь, [а тот] твою печень пнет (т. е. сделает больно)’. Как правило, эти пословицы употребляются в тех ситуациях, когда человек разочарован, обманут своими ожиданиями в благодарности того, кого пожалел. В последнем примере жалость описывается через понятие печени. Как известно, в тюркской языковой концептуальной картине мира человеческая печень является своего рода вместилищем души, поэтому ей приписываются те же свойства, какими обладает душа в сознании русского человека: она сопереживает, болит, как и душа. В алтайском языке от названий этих органов образован глагол *буурза* = ‘сжалиться, тосковать’ и прилагательное *буурзак* ‘жалостливый, чувствительный’ [2, с. 37] (отсюда *буурзак кижии* ‘жалостливый человек’).

В понимании информанта (8), если безжалостный человек разбогатеет, то такой проявляет лишь свое высокомерие: *Јаман ат семирзе, јалмажына кнк буулатпас, / Јаман кижии байыза, јанына айыл тургуспас* – ‘Плохой конь разжиреет, не даст к бедру ведро привязать, / Плохой человек разбогатеет, не даст рядом юрту поставить’.

Зависть (*күйүңүш*) – это чувство неприязни и досады, вызванное благополучием, успехом другого человека. В алтайском языке противопоставлены понятия ‘завистливый человек’ – *күнүркек / күйүңчек кижии* и ‘добродушный’ – *күйүңзек кижии*. По сообщениям информантов (7), в поведении завистливого человека могут порождаться и другие отрицательные качества, например скаредность и скупость даже к самому себе. Завистливый человек, завидуя другим, забывает о себе; такой человек бывает даже не в состоянии приготовить себе еду.

В пословицах о зависти утверждаются следующие стереотипные мысли: 1. «У завистливого покоя нет»: *Күлде чок јок, / Күнүркекте күн јок* (5) – ‘В золе огня нет, / У завистника солнца нет’. 2. «У завистливого славы нет»: *Күйүңзекте чамча јок, / Күйүңчекте мак јок* (4) – ‘У добряка рубахи нет, / У завистника похвалы нет’. Добрый свою последнюю ру-

баху отдаст пострадавшему, завистливый не делает таких добрых жестов. 3. «Завистливый, досадуя чужому благополучию, не думает о своем»: *Күнүркектип кўли чачылар* (6; 8) – ‘У завистливого зола будет разбросана’; *Күнүркектип кўли соок*, / *Күн чалыза, кўни соок* – ‘У завистливого зола остывшая, / Солнце встанет, душа холодная’.

Упомянутая в пословице метафора ‘солнце’ символизирует жизнь, которая в сознании носителей алтайского языка ассоциируется и с такими понятиями, как ‘спокойная жизнь’, ‘радость’. Метафорическое словосочетание *күн жок* означает ‘жизни нет’, т. е. покоя нет. Метафора ‘зола’ символизирует отсутствие достатка, так как огонь в очаге символизирует благополучие в семье и доме. Употребление этой метафоры в третьей пословице служит усилением негативного отношения к завистливому человеку, поскольку у него от зависти даже разбросана зола.

Подводя итоги, мы хотели бы подчеркнуть, что стабильность общества обеспечивается за счет существования общих культурных ценностей и коллективных представлений о нормах поведения. В свою очередь наличие этих представлений возможно при сохранении самих традиционных ценностей общества, сохранении преемственности их передачи. Пословицы как одна из конвенциональных форм передачи информации о традициях в рамках коммуникации выступает и в функции регулятора социальных отношений и обусловленных ими поведенческих тактик. Пословичный текст составляется на основе концептуальных стереотипов, они держат каркас этих текстов при бесконечном их варьировании в речи.

Пословицы, полученные нами в результате опроса, сопоставлялись с уже имеющимися записями алтайского фольклора. Сопоставление позволило выявить, с одной стороны, изменения в пословицах за определенный исторический отрезок времени (с момента предыдущей фиксации до момента проведения опроса), а с другой стороны – выявить степень сохранности пословичной традиции в современном алтайском обществе. К сожалению, рамки доклада не позволяют нам привести примеры анализа сопоставлений.

Таким образом, проведенный опрос и анкетирование носителей алтайских фольклора показали, что коллективные представления о тех или иных понятиях являются общими и устойчивыми, а это свидетельствует о стабильности и сохранении традиций в современном алтайском обществе.

Литература

1. Гаврилова Т. С. Пословица и контекст (Собрание пословиц в самозаписи Е. И. Колесниковой) // Русский фольклор. XXV. – Л., 1989. – С. 144–152.

2. *Ойротско-русский словарь* (ОРС) / Сост. Баскаков Н. А., Тащакова Т. М., М., 1947.

3. *Якобсон Р. О.* О русском фольклоре // *Якобсон Р. О.* Язык и бессознательное. – М., 1996.

Источники текстов

1. *Алтай кеп-сөстөр* / Сост. Л. Кокышев. – Горно-Алтайск, 1959.
2. Информант М. С. Тадышева, 1940 г. р., с. Улаган. Зап. 2006 г.
3. Инф. Л. В. Танзаев 1930 г. р., с. Саратан, Улаганского района. Зап. 2006 г.
4. Архивные материалы Института алтаистики (ИА) Республики Алтай (РА) ФМ 286. Зап. Е. Конунов в с. Саратан, Улаганского р-на.
5. Архивные материалы ИА РА ФМ 296. Зап. К. Е. Укачина в 1974 г. в Улаганском р-не.
6. Инф. Т. Акулова, с. Мендюр-Соккон РА. Зап. 2004 г.
7. Инф. О. М. Енчинова, с. Улаган РА. Зап. 2006 г.
8. Инф. Р. Д. Бачишева, с. Балыктуюль РА. Зап. 2006 г.
9. Инф. Б. Тадышев, с. Балыктуюль РА. Зап. 2006 г.

С. А. Шуйская

О ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ К ФОЛЬКЛОРНОЙ ПРАКТИКЕ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Вопрос о том, как относиться к записям и публикациям фольклорных текстов с точки зрения лингвистики, нами уже поднимался ранее [1]. И тот факт, что одними из активных собирателей фольклора на сегодняшний день являются студенты филологических факультетов в экспедициях, проводимых в рамках учебных практик, заставляет особым образом относиться к подготовке этих студентов к данной работе. К сожалению, в педвузах уже много лет по учебному плану студент-филолог проходит одну из практик: или фольклорную, или диалектологическую (в государственном университете по-прежнему обязательны обе учебные практики для каждого студента-филолога). На первом году обучения студенты прослушают учебный курс по фольклору, на втором, буквально перед фольклорно-диалектологической практикой, – по русской диалектологии.

При сложившихся учебных графиках существует возможность организовать работу на занятиях по русской диалектологии таким образом, чтобы каждый студент смог осознать степень взаимосвязи